

«В истории мира есть события таинственные, но нет бессмысленных».

Владимир Соловьев

«Христианство есть религия историков. Незнание прошлого не только вредит познанию настоящего, но и ставит под угрозу всякую попытку действовать в настоящем».

Марк Блок

К 2000-летию РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

***К созыву Поместного Собора
Русской Православной Церкви
2000 года***

*Издание осуществлено благодаря финансовой поддержке
Центра международного бизнеса "Ингушетия"*

Введение.

Проблема взаимоотношений Церкви и государства

Предметом нашего исследования является проблема взаимоотношений христианской, Православной Российской Церкви и императорской власти. И противники, и защитники императорской власти основные примеры всегда черпали из Священного Писания. Именно оно до наших дней является основой христианского учения. Поэтому при всех конфликтах Церкви и государства в тысячелетней истории Руси обе стороны всегда стремились обосновать свою позицию с точки зрения Священного Писания. Особую актуальность эта тема приобрела в недавний период - летом и осенью 1997 года, когда Государственная Дума и Совет Федерации дважды принимали новый Закон о свободе совести. До сих пор не утихли споры как внутри Церкви, так и в светской печати о правомерности этого Закона.

Суть этих споров упирается в проблему взаимоотношений Церкви и государства. Эта проблема до сих пор остается непроясненной по многим обстоятельствам. Во-первых, в годы Советской власти отечественную

историю было предписано рассматривать с точки зрения «единственно верного марксистско-ленинского учения». А оно по своей сути было атеистическим, отвергая какую бы то ни было ценность идеализма и христианства. Во-вторых, «единственно верное учение» предписывало историкам писать о Церкви только с критических позиций, что значительно снижало ценность подобных исследований. Этот подход привел к тому, что история Русской Церкви начала XX века пока остается недостаточно исследованной.

О том, что указанный период имеет особую ценность для демократической России, свидетельствует тот факт, что Второй Ватиканский Собор Католической Церкви (1962-1965 гг.) проявил огромный интерес к материалам Предсоборного Присутствия (1906 г.) и Предсоборного Соповещения (1912 г.). Католическими богословами эти материалы были тщательно изучены, и многие из них легли в основу Конституций, Декретов и Деклараций Собора. Актуальность рассматриваемого периода заключается и в том, что ныне Русская Православная Церковь готовится к созыву Поместного Собора, который будет созван в 2000 году и призван разрешить важнейшие, накопившиеся за долгие годы гонений и до сих пор неразрешенные вопросы: проблему выборности епископата и священнослужителей, проблему соборного управления Церкви, проблему жизни прихода и создания церковного суда. Круг этих проблем некогда рассматривался как Предсоборным Присутствием, так и Предсоборным Соповещанием. Их разработки легли в основу решений Поместного Собора РПЦ 1917-1918 гг. Но воплотить в те годы эти решения в жизнь помешали большевистские гонения. Подавляющее большинство из них доныне остается невостребованными. Русская Церковь под тотальным контролем атеистической власти претерпела настолько серьезные изменения, что следует говорить о глубинных искажениях вековых норм и канонów церковной жизни. Поэтому сегодня необходимо вернуться к истокам и более внимательно изучить то богатейшее наследие, которое оставили нам наши соотечественники.

В годы становления русского государства как государства христианского, Церковь принимала активное участие в государственном строительстве: «В средневековье связь между Церковью и государством была более прямой и выражалась в том, что церковная организация выполняла ряд государственных функций и была, следовательно, своеобразной частью государственного аппарата, а государственная, княжеская власть содержала церковную организацию на свои средства». (162; 3) Из этого не следует, что Церковь в Древней Руси была целиком зависима от великого князя и полностью подчинена ему. Наоборот, поскольку первые Митрополиты - Предстоятели Русской Церкви были греками, назначались и подчинялись Константинопольскому Патриарху, то Церковь сохраняла

более чем когда бы то ни было свою независимость от посягательств государственной власти.

Трудно переоценить благотворную роль Церкви в формировании Русского государства: «Церковь как многофункциональный институт помогла вывести древнерусское общество и государство, возникшие на месте, на основе спонтанного развития союзов восточнославянских племен... на уровень других европейских стран, непосредственно наследовавших античную средиземноморскую цивилизацию. Она способствовала княжеской, государственной власти в перенесении на новую почву достижений древних обществ, их культуры, идеологии и других явлений». (162; 2-4) Поскольку назначаемые на Русь митрополиты были людьми образованными, стоявшими по уровню культуры неизмеримо выше своей паствы, в том числе и из числа великокняжеской семьи, то цель свою они полагали не только в духовном просвещении. Епископы и клирики, приезжавшие с ними, несли молодой христианизирующейся стране высокую культуру Византии, наследницы великого Рима и Древней Греции. Не следует забывать, что к IX веку Европа так и не смогла оправиться от сокрушительного нашествия гуннов, сметавших все на своем пути. Византия же находилась в расцвете - она была не только хранильницей всего лучшего, накопленного человечеством, но и деятельно приумножала сокровища культуры.

Великие потрясения в области религиозной жизни, которые к этому периоду пережила Византия, помогли выковать догматы, принятые Вселенской Церковью на семи Вселенских Соборах. В VI веке византийский император Юстиниан в своем Кодексе в 6 новелле обозначил: «Величайшие дары Божии, данные людям высшим человеколюбием - это священство и царство. Первое служит делам божеским, второе заботится о делах человеческих. Оба происходят от одного источника и украшают человеческую жизнь. Поэтому цари более всего пекутся о благочестии духовенства, которое со своей стороны постоянно молится за них Богу. Когда священство бесспорно, а царство пользуется лишь законной властью, между ними будет доброе согласие». (68; 364) В этой новелле император начертал идеальный образец взаимоотношений между Церковью и государством, которое впоследствии получило название «симфонии» (так на греческом звучит «согласие»).

Работая над этой новеллой, император обращался к евангельским текстам, которые недвусмысленно подтверждают подобный подход: «Всякая душа да подчиняется высшим властям. Ибо нет власти кроме как от Бога, а существующие поставлены Богом. Поэтому противящийся власти восстал против Божьего установления, а восставшие навлекут на себя осуждение. Ибо начальники страшные для доброго дела, но для злого. Хочешь не бояться власти? Делай доброе и будешь иметь похвалу от нее, ибо она

- Божий слуга, тебе на благо. Если же делаешь злое - бойся, ибо она не напрасно носит меч, ибо она - Божий слуга, отмститель, карающий гневом делающего злое. Поэтому нужно подчиняться не только ради гнева, но и ради совести. Поэтому вы и налоги платите: ибо они - служители Божии, постоянно у этого дела стоящие. Отдавайте всем должное: кому налог - налог, кому пошлину - пошлину, кому страх - страх, кому честь - честь». (Рим. 13; 1-8)

Апостол Павел не был конформистом. Более того, он постоянно подвергался гонениям со стороны властей, как местных, так и римских. В конце концов он мученически погиб во время гонения Нерона. И тем не менее он неоднократно указывает на необходимость не только подчинения, но и уважения государства и его служителей: «Итак, прошу прежде всего, совершать прошения, молитвы, ходатайства, благодарения за всех людей, за царей и всех носителей власти, чтобы проводить нам спокойную и тихую жизнь во всяком благочестии и достоинстве. Это хорошо и приятно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди были спасены и пришли к познанию истины». (1 Тим. 2; 1-5) Если послание к Римлянам апостол Павел пишет свободным человеком, то послание к Тимофею было им отправлено из римской тюрьмы, в которой он томился, ожидая суда императора. Казалось бы - узник, долгие месяцы томившийся в тюрьме, должен был бы обрушить громы и молнии на власть, которая позволила лишь за убеждения и проповедь заточить его в темницу. Но он смиренно просит ученика и общину молиться за властей, в том числе за гонителей и императора.

Подобное отношение к власти не было лишь точкой зрения апостола Павла. Апостол Петр незадолго до гонений Нерона, пишет: «Подчиняйтесь ради Господа всякому человеческому установлению: царю ли, как верховной власти, правителям, как от него посылаемым для наказания делающих злое и для похвалы делающим доброе, потому что такова воля Божия, чтобы вы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, как свободные, а не как прикрывающие свободою зло, но как Божии рабы. Всех почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя почитайте». (1 Пет. 2; 13-18)

Взгляды апостолов основывались на учении Иисуса Христа, Который явил им Своей жизнью, как надлежит относиться к человеческой власти. Он не скрылся от преследований Синедриона, хотя прекрасно знал, что смертный приговор Ему вынесен заочно и без рассмотрения вины. Он пресек попытки апостола Петра напасть на воинов с мечом и оказать сопротивление посланцам Синедриона в Гефсиманском саду. Он покорно вынес несправедливый суд Пилата и был распят.

Но это не означает, что апостолы обладали рабским сознанием и были готовы подчиниться любому решению властей. В «Деяниях апостолов»

описывается их конфликт с Синадрионом, на который они пошли вполне сознательно: «И приказав им выйти вон из синадриона, совещались друг с другом и говорили: «что нам делать с этими людьми? Ведь то, что ими совершенно замечательное знамение, это явно всем, живущим в Иерусалиме и мы не можем отрицать, но чтобы оно еще больше не распространилось в народе, пригрозим им, чтобы они от этого имени ничего не говорили никому из людей». И призвав их, приказали совсем не говорить и не учить во имя Иисуса. Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: «Рассудите, справедливо ли перед Богом слушать вас больше, чем Бога? Ибо не можем мы не говорить о том, что видели и слышали». (Деян. 4; 15-21) Император Юстиниан описывает взаимоотношения властей в том случае, когда власти наделены христианским сознанием, а Церковь не еретическая. История человечества насчитывает единичные примеры такого сочетания. Например, креститель Руси, великий князь Владимир, сам приняв крещение, всецело проникся духом христианства. Летописец упоминает - он страшился казнить даже преступников, поскольку боялся Бога. Но чаще всего история повествует об обратном - или государство стремилось полностью подчинить себе Церковь и сделать Ее послушным орудием в своих руках, или Церковь претендовала на полную власть на земле. Когда государству удавалось подчинить себе Церковь, как это часто случалось на Православном Востоке, подобное явление получило название «цезаропапизма». Когда же Церковь начинала повелевать земными властями, то это явление вошло в историю как «папоцезаризм».

Средневековая история Запада полна подобных примеров. В чем сущность подобных конфликтов? Казалось бы, земная власть имеет перед собой вполне определенные задачи - строительство и охранение государства, забота о подданных, сборы налогов и пошлин. Перед Церковью стоят духовные задачи - просвещение и спасение душ, смягчение нравов, забота о больных, убогих и нищих. И тем не менее история постоянно свидетельствует о бесчисленных столкновениях земных и духовных владык. Слишком часто государство, не довольствуясь земной властью, начинает претендовать на власть над душами людей. Где истоки подобных притязаний? «Преступать же границы своей власти человек склонен более в области политической. Опьяненный своей силой, он ставит ее в заслугу самому себе, как это было в победоносной Ассирии, он обоготворяет самого себя и восстает против Единого Владыки, простирая свою дерзость даже до богохульства. Когда он доходит до этого, он уподобляется сатанинским зверям, которых Даниил видел выходящими из моря и которым Бог на время дал власть. (Дан. 7; 3-8; 19-25) Но такая извращенная власть сама себя обрекает суду Божию, который неизбежно сокрушит ее в назначенный день (Дан. 7; 11; 26), связав свое дело с силами зла, она в конце концов падет вместе с ними». (133; 139)

Ветхозаветная концепция происхождения государственной власти не отличается четкостью, хотя в истории народа Божьего, ветхозаветного Израиля, прослеживается одна мысль, которая полностью игнорировалась христианским Средневековьем: «Во главе Своего народа Бог ставит Своих уполномоченных. Они не столько политические деятели, сколько религиозные посланники, посредники, миссия которых - сделать Израиль «царством священников и народом святым». (Исх. 19; 6) Поэтому Моисей, пророки и священники являются носителями власти по существу своему духовной и отправляемой ими видимым образом по поручению Божию.

Однако Израиль в то же время и национальная община, имеющая свою политическую организацию. Организация эта теократична, так как власть в ней отправляется также во имя Божие, какова бы ни была ее форма. Власть старейшин, помогающих Моисею (Исх. 18; 21; Числ. 11; 24), духоносных вождей, как Иисус Навин и Судьи, и, наконец, власть царей. Таким образом доктрина Союза-Завета предполагает тесную связь между обеими властями и подчинение начала политического началу духовному, соответственно национальному призванию Израиля. Вследствие этого возникают неизбежные конфликты: Саула с Самуилом, Ахава с Илией и многих других царей с современными им пророками. Следовательно, и в народе Божием человеческая власть подвержена соблазну тех же злоупотреблений, как и повсюду. И в этом тем большее основание, чтобы она подлежала суду Божьему: политическая мощь Израильского царства гибнет в конце концов в катастрофе пленения». (133; 139-140)

Наиболее глубоко проследил тему конфликтов двух властей в ветхозаветном Израиле русский мыслитель Н.Н.Алексеев: «Библийские предания изображают еврейский народ, как народ если исконно и не безгосударственный, то во всяком случае, живущий в формах последовательно теократического строя. Им правит Егова, наместники Его и пророки. Царская власть, по преданиям, не является учреждением, покоящемся на глубоких национальных основах. Она скорее имеет происхождение заимствованное и принадлежит позднему периоду еврейской истории». (4; 16) Взгляд Н.Н.Алексеева апокалиптичен и его исследование выносит безоговорочный приговор государству, как институту демоническому: «Путь истории государства есть путь метафизической борьбы зла с добром, путь отпадения от Бога. Человеческая история, история видимых государств, является ничем иным, как одним из эпизодов демонической борьбы с Богом. Поэтому начало истории - на небе, а конец ее - здесь, на земле. Поражение государства, как страшного зверя, есть ни что иное, как последний акт этой борьбы - Божества с демонами». (4; 22) Подобный подход к феномену государственной власти вряд ли оправдан. Глубоко о природе власти писал русский мыслитель и богослов Николай Бер-

дьяв в один из самых критических для России исторических моментов: «В государстве есть мистическая основа и эта мистическая основа должна была бы быть признана и с позитивной точки зрения, как предельный факт, не поддающийся объяснению. Начало власти совершенно иррациональное начало. Во всякой власти есть гипноз, священный или демонический гипноз... Власть всегда есть проникновение какого-то таинственного начала в человеческие отношения, исходящего от Бога или от дьявола... Бытие государства есть факт мистического порядка... Революция всегда хочет разрушить священный гипноз власти. Но сама она немедленно попадает под власть другого гипноза. Существует неразрушимая магия власти, которая лишь переходит из одного состояния в другое. И новая революционная власть обладает магией власти, она заимствует ее от магии старой власти, она пользуется старым и вечным гипнозом масс... Покорность масс всякой государственной власти есть всегда безумие, есть состояние гипноза, есть трепетание народа перед реальностями, превышающими эмпирическую жизнь людей». (16; 54-55)

Тема взаимоотношений Церкви и государства, так болезненно пережитая Бердяевым в первые революционные годы в России, продолжала волновать его на протяжении всей жизни. Недаром его последняя книга называется «Царство Духа и царство кесаря». Анализируя в первые годы после высылки в Германию пережитое, философ отмечал: «Это ложь, что христианство анархично, что христианство отрицает государство. Сам Христос учил воздавать кесарево Кесарю. Но Он воспретил воздавать Кесарю Божье... Государство противится греховному хаосу, мешает окончательному распадению греховного мира, подчиняя его закону. Вл. Соловьев хорошо сказал, что государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад... В христианском мире царство Кесаря ограничено Церковью Христовой и бесконечной природой человеческого духа, раскрывшейся через Христа. Источник ограничения власти государственной чисто религиозный, духовный. В первооснове своей это не есть ограничение государства обществом и общественными группами, требующими тех или иных конституционных гарантий, это есть прежде всего ограничение государства Церковью и душой человеческой. В христианском откровении заключалась совсем особая «декларация прав» человеческой души, усыновленной через Христа Богу. В христианском мире государство уже не может претендовать на человека целиком, власть его не распространяется на глубину человека, на его духовную жизнь. Глубина человека принадлежит Церкви, а не государству...». (16; 66)

В отличие от Алексея Бердяева не отрицает некоей высокой ценности государства как высшей ступени бытия в процессе эволюционного развития человеческого общества. Он понимает в отличие от марксистско-

ленинских мечтателей, что государство - необходимый регулятор человеческих отношений и не обещает его отмирания в далеком будущем. Но он предупреждал об опасности авторитарных государств: «Царство кесаря - огромная ступень в иерархии бытия. Оно не есть само по себе царство зла, царство дьявола. Оно становится царством зла лишь тогда, когда требует себе Божеских почестей, когда его обоготворяют, когда им подменяют царство Божие, когда оно посягает на глубину человеческого духа, на бесконечную его природу. Вот почему так важно различие и разграничение двух царств, которое навеки предуказано Христом. Государство имеет религиозную основу и разложение этой религиозной основы подвергает его опасности разложения»». (16; 68)

Формируя русскую государственность, великий князь Владимир, креститель Руси, как образец имел перед собой византийскую государственность. Становлению молодого государства помогали византийские епископы, поначалу управлявшие Русской Церковью. Важно помнить, чем была в IX-X веках Византия для Руси и Европы: «Никакое общество не способно обойтись без некоторого минимума правовых и договорных норм, без обычая и уклада. Так обстоит дело даже для одичавшего раннесредневекового Запада, что касается Византии, то она сберегла непрерывное преемство государственности и цивилизации, представая взорам с Запада, как настоящий оазис порядка... Реальному и фактическому беспорядку общественное сознание раннего средневековья с тем большей страстью и энергией противопоставляло умоизобретенный духовный порядок (ordo), так сказать, категорический императив и категориальную идею порядка, волю к порядку как к онтологической, этической и эстетической абстракции; при анализе средневековой эстетики нам придется сталкиваться с этим умонастроением буквально на каждом шагу. Едва ли когда-нибудь похвалы Божественному порядку в природе и истории были столь выразительными, а упорядоченная симметрия фигур на мозаике или слов во фразе - такой жесткой. Но идея порядка переживалась людьми раннего средневековья так напряженно как раз потому, что порядок был для них «заданностью» - и не был «данностью». (1; 15)

Но при том, что Древняя Русь была прилежной ученицей Византии, она рабски не копировала порядков и устоев великой империи. Академик Д.С.Лихачев замечает: «...На Руси не было «порфирородных». Власть государственная принадлежала всему русскому княжескому роду в целом. Весь род как единое целое владел «Русской землей». Поэтому любое деление Руси на княжества (невозможное в Византии) не могло быть распадом «Русской земли», поскольку «лествичное восхождение» князей, их переходы из княжества в княжество сохранялись. Только Новгород выпадал из этой системы совместного владения «Русской землей», но он входил в состав «Русской земли» благодаря общей принадлежности к «рус-

скому языку», т.е. русскому народу». (85; 354-355) Подобное сознание не исключало конфликтов между государственной властью, которую вплоть до монголо-татарского нашествия олицетворяли князья, с Церковью, от имени которой чаще всего выступали епископы и настоятели крупных монастырей. Известный русский историк Г.П.Федотов отмечал особенность отношений власти и Церкви в Древней Руси на примере житийных материалов святого Феодосия Печерского: «...Святой не считает мирских и политических дел неподсудными своему духовному суду. В стоянии за правду он готов идти в изгнание и на смерть. Но он не ригорист, и подчиняет в конце концов закон правды закону любви и жизненной целесообразности. Он считает своим долгом поучать князей, а их - слушать поучения. Но в отношении к ним он выступает не как власть имеющий, а как воплощение кроткой силы Христовой». (146; 66)

Положение резко изменилось после утраты независимости. В сознание русских князей, вынужденных довольно часто бывать в ханской столице, все больше и больше входит мысль, что власть государственная ничем не должна быть ограничена, а Церковь лишь призвана служить ей.

Падение Византии под натиском арабов вызвало на Руси своеобразную реакцию. Многим казалось, что отныне Православие в своей неповрежденности сохранилось только на Руси и русские призваны хранить его чистоту. Эта мысль породила сознание особой призванности. Известно послание старца Филофея из Елеазарова монастыря, в котором он называет Москву не только наследницей Византии, но и третьим Римом. Осознания трагедии Византии не произошло, и лишь в XIX веке Владимир Соловьев попытался напомнить нашим предкам: «Несовершенство есть общий удел, и Византия погибла, конечно, не потому, что была несовершенна, а потому, что не хотела совершенствоваться. В личных своих грехах эти люди иногда каялись, но о своем грехе общественном совсем они забыли, и падение своего царства приписывали грехам отдельных людей... Царства, как собирательные целые, гибнут только от грехов собирательных - всенародных, государственных - и спасаются только исправлением своего общественного строя, или его приближением к нравственному порядку. А если бы все дело было в личной праведности, независимо от исправления общественного, то ведь святых в этом смысле людей в византийском царстве было не меньше, чем где бы то ни было - отчего же это царство погибло? ...Пусть злодеяния и распутства одних людей уравновешивались добрыми делами других и молитвами святых монахов, но это полное и всеобщее равнодушие к историческому движению добра, к проведению воли Божией в собирательную жизнь людей - ничем не уравновешивалось и не искупалось». (134; 287-288)

Понятия «самодержавия» на Руси до Ивана Грозного как такового не было. Возникновение этого термина связано с его правлением. Современ-

ник падения Византии, он первым после Димитрия Донского, попытался не только полностью подчинить себе Русскую Церковь, но и сломить ее духовно. Симптоматично, что против его деспотизма выступил его любимец - митрополит Филипп (Колычев).

Владимир Соловьев заметил: «Царствование Ивана Грозного было ярким и своеобразным повторением того противоречия, которое погубило Византию - противоречия между словесным исповеданием истины и ее отрицанием на деле. Он был достаточно учен, чтобы понять смысл византийской истории, но он не захотел его понять и предпочел разделять византийскую точку зрения, что истина не обязывает. ...Удельное княжеское нестроение, погубившее Киевскую Русь, несмотря на заложенные в ней семена здоровой жизни, не существовало более при вступлении Ивана IV на престол, серьезного противника у единодержавия не было, следовательно ничто не мешало царю пользоваться своею крепкою и неограниченною властью в смысле христианских начал, им самим провозглашенных, тех самых начал, которые ранее его не только понимались, но в известной мере применялись его киевскими предками. Предпочтя гнилое языческое предание лучшим заветам Владимира Святого и Мономаха, несчастный царь погубил себя, свою династию, и довел до края гибели саму Россию». (134; 294-295) Не случайно, что огромную роль в восстановлении и возрождении России сыграл Патриарх Филарет (Романов), воспринявший эстафету всероссийского духовника и наставника от замученного поляками Патриарха Ермогена. Российская смута начала XVII века вновь призвала обескровленную бессмысленными казнями Ивана Грозного Церковь. И Она не только откликнулась на этот всенародный призыв, но и возглавила движение за освобождение России от захватчиков. Но это высокое призвание явилось и величайшим испытанием для Русской Церкви. Если Патриарх Филарет правил не только Церковью, но и государством, то это было отчасти оправдано тем, что он был отцом царя Михаила Романова. Но претензии его преемника - Патриарха Никона на то, чтобы столь же полновластно править государством, были странны.

Конфликт между царем Алексеем Михайловичем и Патриархом Никоном завершился победой государственной власти. Скороспелые и непродуманные реформы Патриарха Никона привели к расколу внутри Русской Церкви. Сами причины старообрядческого раскола с точки зрения современного историка почти невняты - почему троеперстие или пути крестного хода вокруг храма могли вызвать такое противостояние среди наших предков? Но игнорировать причины раскола XVII века невозможно - он свидетельствует о том, какое место в сознании наших предков занимал обряд.

Рассматривая этот период, мы неизбежно сталкиваемся с архетипами российского сознания. Анализируя правление Ивана Грозного, известный

русский историк Г.П.Федотов замечал: «В религиозной жизни Руси устанавливается надолго тот тип уставного благочестия, «обрядового исповедничества», который поражал всех иностранцев и казался тяжким даже православным грекам, при всем их восхищении. Наряду с этим жизнь, как семейная, так и общественная все более тяжелеет. Если для Грозного самое ревностное обрядовое благочестие совместимо с утонченной жестокостью (опричина задумана как монашеский орден), то и вообще на Руси жестокость, разврат и чувственность легко уживаются с обрядовой строгостью. Те отрицательные стороны быта, в которых видели влияние татарщины, развиваются особенно с XVI века...»

Ныне уже ясно, что основной путь московского благочестия прямо вел к старообрядчеству. Стоглав недаром был дорог расколу, и Иосиф Волоцкий стал его главным святым. Вместе с расколом большая, хотя и узкая, религиозная сила ушла из Русской Церкви, вторично обескровливая ее». (146; 197) Попытка Патриарха Никона утвердить главенство Церкви над государством, окончилась трагично не только для него. Сын царя Алексея Михайловича не забыл этого. После смерти Патриарха Адриана в 1700 году Петр I ввел институт местоблюстительства и в течение двадцати лет митрополит Стефан (Яворский) был местоблюстителем патриаршего престола, пока в 1721 году император решительно не упразднил сам институт патриаршества: «Петр разрушил лишь обветшалую оболочку Святой Руси. Оттого его надругательство над этой Старой Русью встретило ничтожное духовное сопротивление». (146; 197)

Существуют две прямо противоположные точки зрения на церковные реформы Петра. Подавляющее большинство историков считают, что Петр I искажал жизнь церковную, сделав Русскую Церковь одним из государственных ведомств: «Крутая церковная реформа Петра Великого, введенная вопреки почти всеобщей психологической оппозиции, оказалась на деле необыкновенно прочной, устойчивой, глубоко укоренившейся в сознании всех правительственных поколений XVIII и XIX веков. Идеология просвещенного абсолютизма, тоталитарно покоряющего своему контролю и Церковь, стала адекватной государственному правосознанию быстро перевоспитавшегося в европейском духе по имени православного правящего класса. Несмотря на личное благочестие отдельных носителей короны, постепенно слагавшиеся новые основные законы почти с грубостью и с жестокостью формулировали создавшееся новое положение Церкви в абсолютистском государстве. Исчез сидящий рядом с царем православным Патриарх, исчезла и идея особого автономного канонического законодательства. Источник всего права, в том числе и для Церкви - единственный: власть светского монарха. Церковь в подчиненном ему аппарате министерств и ведомств есть одно лишь из министерств, а именно «Ведомство Православного Исповедания», сокращенно: «В.П.И». - класси-

ческий штемпель на всех официальных бумагах всего церковного управления синодального периода». (70; 367)

Трудно упрекнуть А.В.Карташова в том, что он сгустил краски - будучи первым министром по делам вероисповеданий Временного правительства и готовя созыв Поместного Собора, он столкнулся с тяжелыми последствиями церковной реформы Петра I в начале XX века. Перечитаем Манифест Петра Великого, чтобы яснее понять причины, по которым он решился упразднить патриаршество: «...Того ради образом прежних, как в Ветхом, так и в Новом Завете, Благодетельных Царей, восприяв попечение о исправлении чина духовного, а не видя лучшего к тому способа, паче Соборного Правительства. Понеже в единой персоне не без страсти бывает: к тому же не наследственная власть, того ради вяжуще не брегут. Уставляем духовную Коллегию, то есть духовное Соборное Правительство, которое по следующем зде регламенте, имеет всякие духовные дела во Всероссийской Церкви управлять». (114; 314) После того, как Феофан Прокопович разработал текст Манифеста и присяги, которую отныне должны были приносить все священнослужители, Петр придал ему силу закона. В присяге звучали такие, оскорбительные и нарушающие тайну исповеди слова: «И все к высокому Его Царского Величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и прерогативы (или преимущества), узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать, и оборонять, в том живота своего в потребном случае не падать. И при том по крайне мере стараться споспешествовать все, что к Его Царского Величества верной службе и пользе во всяких случаях касаться может. О ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщаться буду. Когда же в службе и пользе Его Величества, или церковной, какое тайное дело: или какое бы оное ни было, которое приказано мне будет тайно содержать, и то содержать в совершенной тайне, и никому не объявлять, кому о том ведати не надлежит и не будет повелено объявлять. Исповедую же с клятвою крайнего Судию духовные сей Коллегии, быти Самого Российского Монарха, Государя Нашего Всемиловитейшего». (114; 315)

Текст присяги свидетельствует о том, что отныне на любого священнослужителя государство смотрело как на рядового чиновника одной из Коллегий. Он был обязан хранить государственные тайны и доносить на заговорщиков, если вдруг даже на исповеди он узнавал об их замыслах. Впервые в государственных документах мы видим, как императорские титулы пишутся с заглавной буквы наряду с именем Божиим. Позже во всех богослужебных книгах имя Божие будет писаться со строчной, а все императорские титулы - с прописной буквы. Вместо Бога «крайним Судией» священнослужителей становится император. А.В.Карташов счита-

ет: «Лишь Патриарх Никон во второй половине XVII века закричал трагическим голосом о попрании свободы Церкви, ибо усмотрел в новом государственном законодательстве царя Алексея Михайловича (Уложение 1649 г.) и в боярстве, его составившем, новые, неслыханные на Руси идеи о самодовлеющем назначении государства и о служебной роли для него Церкви. Чутье Патриарха Никона не обмануло. Через бояр и чиновников ведомств иностранных дел, читавших по латыни и бывавших за границей, и через ученых из киевских латинских школ в Россию пришли... идеи светского государства со светской абсолютной властью, распоряжающейся властно всем без исключения, что находится в границах ее территории, т.е. в том числе и всеми Церквями и религиями. Просто мы видим здесь приход в Россию системы реформационного территориализма. Петр I с этой системой познакомился по Пуффендорфу и изучил на месте, в Голландии, Англии и Германии, примеры государственного управления Церквями. Путем властного государственного насилия он отменил старую систему «симфонии» и воплотил в своем духовном регламенте принцип протестантского территориализма. Св. Синод был не церковным, а государственным учреждением, сначала даже для всех вероисповеданий, а вскоре только для одного только православного». (67; 230-231)

Направляя в Синод «доброго офицера» Петр I поначалу предполагал, что он будет лишь следить за тем, как в Синоде разрешаются церковные проблемы. Функции обер-прокурора были четко определены - надзор и контроль, но отнюдь не возглавление Синода. Хотя в инструкции обер-прокурор назывался «оком Нашим». Когда же в начале XIX века Коллегии были заменены министерствами, ситуация радикально изменилась: «Никто из иерархов XVIII века не подозревал даже, что «око Наше» со временем из отвлеченного принципа превратится в конкретную действительность. Поэтому все трения и конфликты с обер-прокурорами XVIII века носят характер сравнительно мелочных споров, в которых синодалы третировали этих контрольных чиновников, как ненужное пятое колесо в телеге, и нередко Сенат и государи, уступая бойкоту Синода, убирали неугодных обер-прокуроров и заменяли другими. Факт, немислимый в XIX веке, когда обер-прокурор из чиновника превратился в носителя реальной власти, в министра над Церковью». (70; 370) Славянофил Юрий Самарин видел истоки трагедии в дефектах мировоззрения самого императора: «Но, к несчастью, Петр Великий понял религию только с ее нравственной стороны, во сколько она нужна для государства, и в этом выразилась его исключительность, его протестантская односторонность. С своей точки зрения, он не понимал, что такое Церковь, он просто Ее не видел: ибо сфера Ее выше сферы практической, и потому он поступал, как будто бы Ее не было, отрицал Ее не злоумышленно, а скорее по невеждению... В факте Церкви Петр Великий видел несколько различных яв-

ний, никак не неразрывных между собою: доктрину, к которой он был довольно равнодушен: обряды, над которыми он смеялся, как над пищей для бесплодного суеверия, и духовенство, которое он понимал, как особый класс государственных чиновников, которым государство поручало нравственное воспитание народа. Но так как духовное сословие имело назначением трудиться для государства, и более никакого, то следовательно его устройство, управление, деятельность должны были условливаться государством, как частный орган целым». (125; 225-226)

Наряду с точкой зрения славянофилов на церковные реформы Петра существовала иная, впервые четко сформулированная Владимиром Соловьевым: «Воображают, что церковная иерархия лишилась независимости и авторитета вследствие учреждения Синода, тогда как совершенно ясно, что Синод мог и должен был быть утвержден вследствие того, что иерархия уже прежде лишилась самостоятельности и авторитета. Церковное управление уже на деле превратилось в отрасль государственного прежде, чем было объявлено в этом качестве официально. Это была одна из наиболее естественных, правдивых, а потому и прочных реформ Петра Великого. Почти все основанные им Коллегии исчезли или подверглись коренным переменам, одна «Духовная Коллегия», руководимая «знающим и смелым» обер-прокурором, вот уже почти два века остается во всей своей неприкосновенности – явное доказательство, что это учреждение не было создано личным произволом, а вызвано действительными условиями нашей исторической жизни, сохраняющими до сих пор свою силу. А следует ли признать эти условия нормальными с высшей точки зрения – это другой вопрос. Почувствовать их ненормальность и пострадать от них нравственно пришлось самому великому преобразователю в самую трагическую минуту его жизни, – но изменить их было не в его власти...». (134; 324-325)

Однако, уже первые годы нового, XX века ярко выявили правоту точки зрения славянофилов. Именно в годы, непосредственно предшествовавшие первой русской революции, развернулась борьба за освобождение Русской Церкви из-под опеки государства.

В предпринятом труде сознательно избран быть может не совсем традиционный подход к освещению проблемы взаимоотношений Церкви и государства. Автор счел своим долгом наиболее полно осветить и проанализировать жизнь и деятельность наиболее выдающихся личностей этого периода: императора Николая II, К.П.Победоносцева, митрополита Антония (Вадковского) и архиепископа Антония (Храповицкого), Григория Распутина и С.Ю.Витте, протоиерея Иоанна Кронштадтского и великой княгини Елизаветы Федоровны, священника Георгия Гапона и Петра

Столыпина, а также авторов знаменитого сборника «Вехи». Рассматриваемый исторический период хотя хронологически охватывает лишь семнадцать лет, чрезвычайно насыщен важными для России событиями. Поэтому автор вполне сознательно ограничивал себя рассмотрением самых важных событий, помогающих глубже понять трагичность отношений Церкви и государства. За рамками исследования остались проблемы духовного образования, экуменического движения, миссионерской деятельности Церкви и Ее имущественного положения, участия церковных деятелей в работе Государственной Думы, а также проблемы роста монастырей и одновременно упадка нравственного уровня жизни в них. Вполне сознательно автор не затронул проблему роли Русской Церкви в Первой мировой войне. Подробное рассмотрение всех этих вопросов неизбежно повлекло бы к отвлечению от основной темы.

Литература, посвященная рассматриваемому периоду, огромна. Автор сознательно ограничился использованием наиболее значимых документов: прежде всего мнением самой Церкви, отраженной в «Отзывах епархиальных архиереев», материалах Предсоборного Присутствия и Предсоборного Сопослания, Особое внимание было уделено полемике по церковным проблемам, развернувшейся в те годы в периодической печати. Автор счел необходимым привлечь мемуарную литературу, стремясь сопоставлять различные точки зрения мемуаристов, чтобы полнее осветить подлинную суть событий. К сожалению, этот период новейшей русской истории весьма неполно и недостаточно освещен зарубежными историками, что значительно сузило возможность пользования зарубежными источниками. Исключением явилось исследование американского историка Джеймса Каннинггема «A Vanquished Hope: The movement for Church renewal in Russia, 1905-1906».

Из новых исследований отечественных авторов, появившихся уже после окончания данного труда, следует отметить монографию петербургского историка С.А.Фирсова «Православная Церковь и государство в последнее десятилетие существования самодержавия в России», СПб., 1996. Это весьма ценное исследование, к сожалению, на наш взгляд, грешит двумя крупными недостатками - отсутствием концепции и попыткой взглянуть на проблемы Церкви извне. Архиепископ Филарет (Гумилевский) отмечал: «...Историк Церкви преимущественно должен быть верен правде, а для сего он должен быть искренним христианином. Пересматривая источники, он должен смотреть на их сведения не по своему вкусу, не по духу своего времени, но так, как требуют обстоятельства того времени, как требует правда истории и Евангелия... Без христианского благочестия историк Церкви - иностранец в Христовой Церкви: многое не поймет он в событиях Церкви, многое испортит превратным толкованием или вовсе оставит без внимания...». (147; XIV)

Введение. Проблема взаимоотношений Церкви и государства

В заключение несколько методологических замечаний. Исследование не случайно носит подзаголовок - «Очерки по истории Православной Российской Церкви». Автор не ставил перед собой цели, подобно историку прошлого столетия, митрополиту Макарию (Булгакову), излагать все события, которые происходили в Церкви в период с 1900 по 1917 гг. Задача была иной - осветить лишь ключевые моменты, обозначить и раскрыть, по выражению Александра Солженицына, узловые проблемы истории. Автор счел необходимым опираться на первоисточники, чтобы заинтересованный исследователь смог ознакомиться с той или иной проблемой самостоятельно и сознательно стремился цитировать источники, ныне широко доступные читающей аудитории, чтобы читатели могли проверить подлинность тех или иных свидетельств.

Автор с благодарностью вспоминает трагически погибшего протоиерея Александра Меня - в основанном им Православном университете в период с 1989 по 1991 гг. прозвучал цикл лекций по новейшей истории Русской Церкви, который стал фундаментом данного исследования. С благодарностью вспоминаю ректора, архиепископа Александра (Тимофеева), и заведующего библиотекой Московской духовной академии, архимандрита Иеремию, которые щедро предоставили возможность работать с редкими источниками. Без помощи академиков Д.С.Лихачева, Д.А.Садовничева и Я.Н.Шапова, а также их сотрудников, вряд ли данное исследование могло бы обрести завершенность. Дружеская помощь профессора Московского университета В.А.Федорова и ктитора Крутицкого подворья, историка Русской Церкви И.В.Соловьева значительно облегчила мой труд. Дружеские отклики ныне покойного профессора-протопресвитера Иоанна Мейендорфа, а также профессора-протопресвитера Виталия Борового, профессора Д.В.Поспеловского и выпускницы Православной Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке Анны Ципенюк помогли мне окончательно уяснить ряд проблем и их актуальность. Приношу благодарность старшему прокурору Генеральной прокуратуры, советнику юстиции Владимиру Соловьеву, в течение семи лет трудившемуся в группе, занимавшейся расследованием убийства императорской семьи - без его помощи я бы не сумел поведать о последних днях жизни великой княгини Елизаветы Федоровны, сестры последней российской императрицы. Он любезно предоставил возможность ознакомиться с архивными делами как императорской семьи, так и с делом об уничтожении их родственников. Данный труд вряд ли бы был завершен без необходимой помощи Елены Кировой, Евгения Комарова, Евгения Стрельчика, иеромонаха Никона (Белавенца), которым автор приносит искреннюю благодарность.

Оглавление

I. Введение. Проблема взаимоотношений Церкви и государства.....	5
II. Взаимоотношение Православной Российской Церкви и государства в XIX столетии.....	21
III. Начало борьбы за освобождение из-под опеки государства. Религиозно-Философские Собрания	39
IV. События 1905 года - «Кровавое» воскресенье. Священник Георгий Гапон.....	59
V. Записка С.Ю. Витте о положении Православной Российской Церкви	79
VI. К.П. Победоносцев и опросы епархиальных архиереев.....	97
VII. Создание и деятельность Предсоборного Присутствия.....	115
VIII. Святой Иоанн Кронштадтский и его социальная деятельность.....	151
IX. Петр Столыпин и Григорий Распутин - столкновение у престола.....	169
X. Великая княгиня Елизавета Федоровна.....	189
XI. Сборник «Вехи» - предостережение о грядущей катастрофе.....	219
XII. Архиепископ Антоний Храповицкий и его роль в жизни Православной Российской Церкви.....	243
XIII. Афонская смута.....	263
XIV. Заключение Православная Российская Церковь накануне созыва Поместного Собора.....	283
Приложение.....	303
Литература.....	309